

Сирень для «Шапели»

Людмила ЕМЕЛЬЯНОВА

В Александровском парке музея-заповедника «Царское Село» открылся после реставрации самый роскошный павильон — «Шапель». Трудно поверить, что всего месяц назад он стоял в лесу, а территория вокруг представляла собой строительную площадку.

Теперь к «Шапели» можно идти по прямой, протоптанной от Крестового канала до Розовой караулки, аллею — ровеснице павильона. У нее она получила бы обилием ее кустов сирени, которые, если верить историческим источникам, была тема. Старый растительный не остался. Со стороны музея высидели несколько десятков новых кустов исторических французских сортов «Мадм Лемуар», «Шарль Жюль» и другие.

Сирень — последний завершающий штрих в облике романтического павильона. Защищает она в лучшем случае через год-два, но и сегодня «Шапель» способна порадовать необычной архитектурой и мягкой подлинностью.

Открытие павильона — праздник и результат многолетних усилий, — сказала директор музея-заповедника Царское Село Ольга Тартаковская. «Шапель» — шедевр давно и незаслуженно забытой. Его мало знают даже жители Царского Села. Наконец он дождался первой в своей почти двухсотлетней истории комплексной реставрации.

Созружение в виде разрушенной временем готической капеллы на окраине Александровского парка возвел в 1825 — 1828 годах по проекту Адама Менцеля. Две башни, одна из которых, по замыслу автора, живописно «обнависла», соединены широкой аркой. Свет, проникавший сквозь «готическое окно», освещал фигуры ангелов и статуи Христа.

После революции павильон служил музеем объектов, но в 1930-е годы его приспособили под жилье. В начале войны здесь хранили высокохудожественные материалы, раскозавшие во время разбора, на чердаке установили зенитки. Во время оккупации фашисты использовали тут топки и как наблюдательный пункт.

В 1950-е годы «Шапель» отремонтировали и законсервировали. В следующем десятилетии планировали павильон отреставрировать и даже открыть в нем кафе-мороженое. Но, по некоторым данным, иной стилистикой

Не нужно быть гением, чтобы купить шедевр

Как уже знают наши читатели, в Николаевском зале Зимнего дворца до середины января будет гостить выставка «Эпоха Рембрандта. Шедевры Лейденской коллекции». Она демонстрирует коллекцию голландской живописи Золотого века, по численности и масштабу превосходящую все известные частные собрания. Ее владельцы — американская чета Томас и Дафна Каплан — за последние пятнадцать лет сумели собрать более двух с половиной сотен произведений голландских мастеров XVII столетия.

Начало фамильному увлечению положили творения дизайнера-модерниста XX века, коллекцию работ которых собрал супруг. А старший голландский мастер и особенно Рембрандт — с детства был увлечением главы семьи. Миллиардер Томас Каплан международный инвестор, благотворитель и коллекционер. Сфера его финансовых интересов — поиск и разработка месторождений золота, серебра, платины и углеводородов. В прошлом парадном зале Зимнего дворца наш корреспондент Людмила ЛЕУССКАЯ беседовала с Томасом КАПЛАНом.

— Господин Каплан, как складываются ваши отношения с Эрмитажем?

— Мне представляется, что в музейном мире есть два магических и волшебных названия — Эрмитаж и Лувр. Мы имели счастье и честь отчасти мировой тур нашей коллекции выставкой в Лувре. Это музей, который находится в Париже, где значительная часть жизни моего семейства.

Но мы путешествовали в Пекин, где в Национальном музее показывали коллекцию, которую мы назвали «Эпоха Рембрандта». Там была выставка в музее Шанхай и в Музее имени Пушкина в Москве.

В Москве был потрясающий прием. Однако в имени Эрмитажа, в самом понятии, есть что-то трансцендентное, лежащее за гранью познания. Для меня это в значительной степени связано с коллекцией Рембрандта. Я много раз говорил, что если Амстердам можно назвать Музеи голландского искусства, то Петербург — Музейной.

Четыре года назад я приехал в Петербург с целью для того, чтобы показать им Эрмитаж и коллекцию Рембрандта в том числе. Они были прекрасны, картины, которые и меня потрясали, в частности, полотно «Возвращение блудного сына». Когда год назад я сообщил семье, что Эрмитаж будет одним из тех мест, где мы будем представлять нашу коллекцию, они дружно сказали, что, скорее всего, это будет самое важное место, где она может быть показана.

— Перейдем к коллекции. Почему вы не дали ей свое имя, как это часто происходит у коллекционеров?

— Известный коллекционер, современный искусства Чарльз Сагач как-то сказал, что речь не о собрании, а о коллекции. Я довольно часто повторяю: не нужно быть гением, чтобы приобрести работы Рембрандта, нужно быть гением, чтобы Рембрандтом стать.

Мы пропагандируем не наши ценности, а искусство Рембрандта. Именно поэтому мы дали коллекцию не свое имя, а имя города, который был ему родным. Таким образом, мы отдаем работу Рембрандта в руки тех, кто ее считал, что наша миссия в том, чтобы Рембрандтом стать.

Место на историческом пьедестале заняла скульптура работы Ивана Витали — статуя великой княгини Александры Николаевны, любимой рано умершей дочери императора Николая. Она из утраченной малой «Шапели». В состав экспозиции вошли материалы, рассказывающие о жизни разбора, на чердаке установили зенитки. Во время оккупации фашисты использовали тут топки и как наблюдательный пункт.

В 1950-е годы «Шапель» отремонтировали и законсервировали. В следующем десятилетии планировали павильон отреставрировать и даже открыть в нем кафе-мороженое. Но, по некоторым данным, иной стилистикой

Томас Каплан

— Когда мы собирались в Китай, китайские музеи попросили расширить выставку. В Лувре было всего тридцать работ, нас попросили показать вдвое больше. Для Китая это была первая выставка голландской живописи, введенная в ее историю. Мы имеем соратников. В России привезли восемьдесят с лишним работ. Так поступили и в дальнейшем, когда в следующем году позволим выставку на Восток — в представительстве Лувра в Абу-Даби.

— Вы показали коллекцию миру. Что дальше, сделайте паузу, будете строить музей?

— Мы продолжим покупать картины. Я уже упомянул маленькую работу Рембрандта, приобретенную мной так гордился. Кроме того, в течение последнего года мы купили две большие работы Рембрандта, будем безусловно продолжать. Мы постоянно следим за тем, что происходит на рынке, когда возникает возможность что-то приобрести, это делаем. Что касается будущего, четких планов нет. Но картины в музее для выставок будем приобретать.

— Ваше впечатление от выставки в Николаевском зале Зимнего дворца и о гении дополнить не картинами из эрмитажского собрания?

— Лучшего места для представления нашей коллекции мы себе даже представить не могли. Как и для картины Рембрандта, потому что лучшее его работы находится здесь. В Эрмитаже его душой центр. Мне кажется, в России лучше, чем где-либо для предела Нидерландов, понимают значение этого художника. Он стал частью российской культуры.

— Можно ли считать «Минерву» шедевром выставки? Вы часто льетесь на эту картину, можно предположить, что для вас она важна.

— Когда я говорю, что у меня нет любимой картины, это абсолютная правда. Каждая картина имеет воспоминание. Воспоминание о том, когда я ее приобрел, у кого... У меня как у коллекционера любовь к картинам многого рода, это любовь к эстетическому, к ним много другое.

Для меня неудивительно, что «Минерва» созвучна российскому духу. Когда я говорю, что у меня нет любимой картины, это абсолютная правда. Каждая картина имеет воспоминание. Воспоминание о том, когда я ее приобрел, у кого... У меня как у коллекционера любовь к картинам многого рода, это любовь к эстетическому, к ним много другое.

Для меня неудивительно, что «Минерва» созвучна российскому духу. Когда я говорю, что у меня нет любимой картины, это абсолютная правда. Каждая картина имеет воспоминание. Воспоминание о том, когда я ее приобрел, у кого... У меня как у коллекционера любовь к картинам многого рода, это любовь к эстетическому, к ним много другое.

Для меня неудивительно, что «Минерва» созвучна российскому духу. Когда я говорю, что у меня нет любимой картины, это абсолютная правда. Каждая картина имеет воспоминание. Воспоминание о том, когда я ее приобрел, у кого... У меня как у коллекционера любовь к картинам многого рода, это любовь к эстетическому, к ним много другое.

ПРЕМЬЕРА

«Не вижу Сирано...»

Елена АЛЕКСЕЕВА

В Александринском театре состоялась премьера с обманчивым названием — «Сирано де Бержерак». Зрители, посетившие спектакль, в недоумении шутили программками, желая убийцу, что попал туда, куда шл. Разделяю их чувства: все время казалось, что тебе морочат голову.

Современный театр любит нас дурачить. Нарушать причинно-следственные связи, спорить с вторым письмом, менять персонажей до неузнаваемости. По этому пути пошел и режиссер Николай Рощин. На исторической сцене Александринского он устроил настоящий маскарад. Актера Монфери нарядили в грузное обнаженное тело Бако, гвардейца — в современное деловое костюм, а на лицо заглавного героя надели огромный нос — маску в духе венецианского карнавала. На этом спектакле являлись не до познания, поэтому стилистика Рощина перекликалась нарочито хорякой прозой.

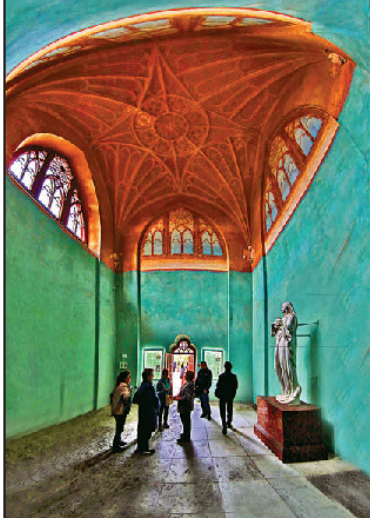
Сирано де Бержерак — поэта, философ, возмутитель спокойствия — выявлен забавной, грубой и нелепой формой. Он дурачит, но подвизнич тоже превращает в фарс, предлагая противнику самые гротескные виды оружия — от ножа до автомата. Маскарад завершается задержкой театр, в старом уезде Золотого века, где Сирано в одиночку сражается с сотней вооруженных до зубов врагов (понять бы, кто это враги?). Видео соавты мы видим на экране. Храбрость бьет, топчут, обивают с ног ступней водомата. Поверженный, он не сдается. Сирано, возвращаясь с поля боя, не только вытирает кровь и пот, но и срыгает с лица туманной нос.

На сцену Сирано возвращается уже без пресловутой маски и тут же забывает о роли оппозиционера. Казалось бы, зрители заставили его героя. Но почему же Рощин не по-прежнему любит нас дурачить? И почему он шлобляется в Кристина? Любовь помсти-

Сирано де Бержерак

таки вторичным Сирано де Бержерак, публике все-таки покажут, в театральном финале. Глупейшую абракадабру, смешивающую с моим патристическим, что-то из архаики, что-то из современности, считая балетом, высмеивающим тот самый позавчерашний театр, с которым боится режиссер. Но на чьей

Шапель

Saint Petersburg Vedomosti	20 September 2018	Ludmila Leusskaya
<p>“One has to be a genius to <i>be</i> Rembrandt, not to buy his works”</p>		
<p><i>As our readers already know, the Nicholas Hall of the Winter Palace is hosting the exhibition “The Age of Rembrandt and Vermeer: Masterpieces of The Leiden Collection,” through mid-January 2019. The show revolves around a collection of Dutch Golden Age art that exceeds all other known private collections in both quality and scope. Its owners – the American couple Thomas Kaplan and Daphne Recanati Kaplan – managed, in 15 years, to assemble some 250 works by 17th-century Dutch masters.</i></p> <p><i>The family’s collecting journey began with Daphne Recanati Kaplan’s focus on 20th-century modern design furniture, while the Old Masters have represented Thomas Kaplan’s passion ever since he was a child. He is a billionaire international investor, philanthropist and collector. His financial interests center on the fields of gold, silver, platinum and hydrocarbons. Our reporter Ludmila Leusskaya interviewed Thomas Kaplan in the Winter Palace’s finest hall.</i></p> <p style="text-align: center;">~</p> <p>— <i>Mr. Kaplan, how would you describe your relationship with the Hermitage?</i></p> <p>— I believe that the museum world has two magical names – The Hermitage and The Louvre. We had the privilege of opening our Collection’s world tour at The Louvre. The museum is in Paris, where my family spends a good part of the year. From Paris, we went on to Beijing where the Collection was shown at the National Museum of China, which also represented a great honor. Shortly after that, we traveled to the Long Museum in Shanghai and the Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow.</p> <p>The reception in Moscow was truly amazing. But the Hermitage carries something transcendental in its very meaning, something beyond rationality. For me, it mostly has to do with its Rembrandt collection. I said this many times, but if Amsterdam is the Mecca of Dutch art, then surely Saint Petersburg represents Medina.</p> <p>Four years ago, I came to Saint Petersburg with my family to show them the Hermitage. This visit included a tour of the Rembrandt collection. They were all stunned by the same paintings that always leave me speechless; particularly <i>The Return of the Prodigal Son</i>. When I told them a year ago that the Hermitage would be one of the institutions in which our Collection would be exhibited, they all agreed that it would most likely end up being the most important place of all.</p> <p>— <i>Let’s move to the Collection. Why didn’t you name it after yourself, as many collectors do?</i></p> <p>— A famous collector of modern art, Charles Saatchi, once stated: “It’s not about the collectors, but the artists.” I often say: One has to be a genius to <i>be</i> Rembrandt, not to buy his works.</p> <p>We don’t feel the need to disseminate our name; we feel the need to disseminate the art of Rembrandt. That’s the reason why we named the Collection after a city that was dear to the Master, and not after ourselves. This was our way to pay tribute to the artist.</p> <p>I wish to add that we have never lived with any of these paintings. We always believed that our mission was to take them from the private spheres and put them back into the public domain. We maintained strict anonymity until the exhibition at The Louvre. But the Collection already had a reputation as a “Lending Library” from which books or, in this case, paintings, could be borrowed. In fact, our works have been exhibited in over 40 museums.</p>		

— *Exhibited anonymously... What made you come out of the shadows?*

— We had no choice, as we had already crossed the Rubicon. Few people knew our identities, but our Collection constituted the largest private “Lending Library” working with museums all around the world. As a matter of fact, our approach to collecting works of art was different from other collectors: we did not buy “anything” and were not focused on one particular painting. Our Collection intentionally left out a few areas – landscapes, for example. But there are plenty of human subjects, which to us represent the most important aspect in a collection. Our intention was not only to exhibit the paintings, but also tell the story of the artists who created them, along with the complex and fascinating connections between them.

We felt the need to gather all of that information and publish it online. As this decision was being made, we were confronted with a choice: either remain anonymous like some collectors, or share this body of scholarship to the broader public and thus come into the light. That’s when The Louvre offered to exhibit our Collection, becoming the first museum to display our masterpieces.

— *What have been your greatest joy and your greatest disappointment since you started collecting?*

— A year ago, I would have answered that my greatest disappointment was the inability to acquire the smallest privately-owned work by Rembrandt. But we ended up being successful and the painting will be exhibited in Abu Dhabi as the tour continues.

I have purchased a large number of pieces under the most surprising circumstances. Acquiring them initially seemed impossible such as, for instance, *Minerva in Her Study* by Rembrandt – a true masterpiece, the embodiment of what an artist can do. The Master dreamed to become an artist who could paint historical scenes. Paintings like *Minerva in Her Study* or *Flora* reflect his aspirations and indeed his passion.

The most amazing moment for me as a collector was the acquisition of the Fabritius painting. We own several works by Rembrandt, his students, as well as the artists in his circle. Rembrandt’s finest student was Carel Fabritius. Very few of his works have survived – only sixteen – because he died young. The painting that we bought had been privately owned by an aristocratic family for over 200 years. For a Rembrandt collector, acquiring this particular painting was akin to discovering the Holy Grail.

I believe that, had Rembrandt seen this work by Fabritius, he would have told him that the student had reached the master. Imagining this conversation fascinates me.

— *Would you consider Minerva in Her Study to be the symbol of the exhibition? You often refer to that particular painting, as if it were your favorite.*

— When I say that I don’t have a favorite painting, that’s absolutely true. Each work brings back memories – memories of acquiring them, the provenance, etc. As any collector, my love for my paintings is multidimensional. The first dimension is aesthetic, but there are many others.

I am not surprised at all that *Minerva in Her Study* is so close to the Russian spirit. When I look at the painting, I think of Catherine the Great. Minerva was the Goddess of both wisdom and war. She personifies the empress-philosopher, much like Catherine. It is significant that Rembrandt gave these traits to a woman – namely, power and internal tensions. We look at Minerva and see, not a classical representation of beauty, but rather a strong and independent woman. This proves the point that Rembrandt initiated a true revolution in art in his time – which later transpired throughout art history.

— *The exhibition in Russia is larger than the one at The Louvre. Why did you choose to expand it?*

— When we went to China, our partner museums asked us to expand the exhibition. There were some 30 works at The Louvre and we were asked to double that amount. For China, our show represented the first exhibition of Dutch art – an introduction to its history. We maintained that momentum and decided to bring over 80 works to Russia. Our intention is to keep it up as we travel to the Middle East next year to Louvre Abu Dhabi.

— *You have now shown your Collection to the world. What's next: take a break and build a museum?*

— We are still acquiring paintings. I just mentioned the small piece by Rembrandt that was such a source of pride. In addition, we purchased two large Rembrandts over the past year and certainly will continue to do so. We monitor the market closely and when an opportunity arises, we move to make the acquisition. As for the future, there are no clear plans. But our intention is to continue lending our paintings to museums.

— *How do you feel about the exhibition in the Nicholas Hall of the Winter Palace and the idea of complementing your Collection with paintings from the Hermitage?*

— I could not imagine a more appropriate venue to showcase our Collection – or paintings by Rembrandt for that matter, given that his finest works are here. The Hermitage museum represents the Master's "spiritual home." I believe that, outside of the Netherlands, Russia understands best the significance of this artist. Rembrandt has become a part of the Russian culture.

It is the first time that a museum in which we are presenting our Collection has decided to lend some of its works for the exhibition. We are immensely grateful for such a gesture, which evidences the connections between our respective collections. Irina Sokolova, the keeper of the Hermitage's Dutch art collection, has suggested paintings that are magnificent in their own right. And they complement beautifully the story that our collection tells.

Ultimately, the exhibition looks stunning in the Nicholas Hall of the Winter Palace.